

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Благодарности</i>	8
<i>Введение</i>	12
Империи и люди, фронтиры и пограничья	16
Аргунский бассейн	25
<i>Глава 1. Казаки и знаменные на аргунском фронтире</i>	37
Начало российско-китайских отношений: установление баланса сил	40
Колонизация фронта: тунгусы, буряты, солоны и русские на Аргуни	48
Казаки и знаменные: домодерные формы контроля фронта	56
Поворот России на восток: фронтальный обмен и опасности обширной государственной границы	61
Хайлар и Абагайтуй: два очень разных степных фронтальных поселения	69
<i>Глава 2. Железные дороги, инфекции и золото</i>	76
Освоение имперского пространства: строительство железной дороги	79
Фронтальный дух: рождение поселка железнодорожников	85
Заблудившиеся в степи инспекторы: проблемы пограничного контроля	95
Незаконная торговля: короткие и длинные межграничные сети	104
Локальные и глобальные товары: алкоголь и золото	107
Туда, где трава зеленее: межграничное казачье земледелие	116
«Новая политика» цинского государства	122
Мечта Сун Сяоляня о китайском Хулун-Буире: перемещение крестьян в степь	130
Закрепление границы: Цицикарский протокол	134
Эпидемии и государственные границы: иллюзорность российского пограничного карантина	142
Чума 1910 года: сурки, прибыль, болезни	144
После апокалипсиса: к новому пограничному карантину	150

<i>Глава 3. Революции без границ</i>	155
Зарождающийся бурятский национализм: противоречивые мнения об имперской судьбе России	157
Имперская марионетка в резерве: карьера мятежника Тохтогу	162
Когда заговорит субалтерн: революция 1911 года и восстание в Хулун-Буире	171
Зависимая независимость: Хулун-Буир с 1912 по 1915 год	179
Угасание стремления к независимости: статус Хулун-Буира после 1915 года	184
«Дикость нравов»: темная сторона станции Маньчжурия	187
Голоса куплены, налоги не уплачены: определение и оспаривание границ в городе	191
Тяжелые времена: Маньчжурия во время Революции и Гражданской войны	197
<i>Глава 4. Советское государство на границе</i>	206
Осиное гнездо: красные и белые в городе	209
Под советским контролем: постепенное прекращение локального пограничного движения	214
Тернистый путь контрабандистов: Аркадий Адольфович Янечек и Шин Фонбин	222
Вечный бег Тайбога Нимаева: эмиграция бурят Агинской степи	228
Красные юрты в степи: коллективизация сельских жителей пограничья	237
Сельская жизнь в эмиграции: русская диаспора в Трехречье	241
<i>Глава 5. Открытая степь на замке</i>	249
Советско-китайский конфликт: война на границе	252
«Трагедия Трехречья»: советские карательные экспедиции в китайское пограничье	258
Новые соседи: оккупация Маньчжурии Японией	264
Два очень разных приграничных поселения: Маньчжурия и Отпор	267
Заборы из колючей проволоки: милитаризация границы	272
Ограничивая доступ: установление пограничных зон	278
Шпиономания: война разведок и чистка на границе	282
Где подчиненные правят: японцы и монголы в Хулун-Буире	291
В двух словах о старой России: казацкие эмигранты под управлением Маньчжоу-го	299
Халхин-Гол и не только: кровопролития при обсуждении границы	306
«Граница на замке»: ритуальные подтверждения границы	312

<i>Глава 6. Игра в дружбу у забора с колючей проволокой</i>	322
Новый поселок на границе: основание Забайкальска	326
Возвращение железнодорожного движения: создание нового транспортного центра	331
Неродные братья: конструирование дружбы в пограничье	337
Баскетбольная дипломатия: как лучшие друзья пересекали границу	340
Когда никто более не смеет говорить по-русски: китаизация Хулун-Буира	349
<i>Глава 7. Незримый враг за замерзшей рекой</i>	357
Контрольно-следовые полосы в голой степи: новые техники пограничного контроля	361
Охотники, влюбленные, дезертиры: переход закрытой границы	365
«Грбовые надбавки»: демография Приаргунья	372
Транзитом: станция Забайкальск как витрина Советского Союза	380
Дипломатия сцепщиков: пограничное население как агент дипломатических обменов	388
Пропагандистская война в пограничье: возрождение полузабытого героя	393
Граница из матового стекла: исчезающий «чужой»	398
Война за радиоволны: как радиопрограммы нарушали границы	401
Другие каналы: непосредственная пропагандистская работа среди жителей пограничья	405
<i>Глава 8. Арбузы и брошенные сторожевые башни</i>	410
Завершение вражды: пропагандистский фильм на полке	411
Сближение сверху: восстановление контактов в пограничье	413
Снятие барьеров: расширение межграничных каналов взаимодействия	422
«На вагоны!»: падение режима пограничного контроля	426
<i>Заключение</i>	433
<i>Библиография</i>	448
<i>Указатель имен</i>	474

БЛАГОДАРНОСТИ

Детские воспоминания о жизни у железного занавеса разожгли мой интерес к этой теме. Продолжительная железнодорожная поездка из Берлина в Пекин в 2002 году раскрыла мои глаза. Выйдя из поезда для перехода границы в Китай на последней станции на российской территории в Забайкальске, я понял — именно этот пыльный городок станет предметом моего исследования. Таким образом, эта книга стала проектом, на развитие и завершение которого потребовалось много лет. В ходе работы над ней я получил огромную поддержку и множество советов.

Я глубоко признателен двум моим научным руководителям. Наставничество и поддержка Юргена Остерхаммеля в Констанцском университете были бесценны и расширили мой кругозор, позволив взглянуть за пределы евразийских горизонтов. Карл Шлёгель, мой учитель и источник вдохновения со студенческих лет, проведенных во Франкфурте на польской границе, научил меня всегда сохранять любопытство и думать о том, как детали сплетаются в общую картину. Я очень благодарен четырем другим ученым, которые обеспечили меня дельными советами, мотивацией и нескончаемой личной поддержкой. Сабине Дабрингхаус на ранней стадии проекта предложила мне прочесть лекции по китайской истории в университете Фрайбурга, предоставив при этом возможность работы как в поле, так и в библиотеке. Франк Грюнер навел меня на многие мысли, изложенные в этой книге. Я непомерно обязан нашему Харбинскому кружку в Гейдельбергском университете. Пригласив меня преподавать российскую историю в Мюнхенском университете им. Людвига и Максимилиана, Андреас Реннер дал мне возможность обратиться к моим славянским корням и продумать

план дальнейшей работы. Кэролайн Хамфри поделилась глубоким знанием региона и антропологической перспективой, позволив мне завершить проект и превратить его в книгу в Кембриджском университете.

Я чрезвычайно признателен Михелю Абессеру, Лизе Фурхтготт, Эшли Гоник, Вилларду Сандерленду, моему брату Генрику, а также анонимным рецензентам за внимательное чтение рукописи на разных стадиях ее развития, за комментарии и советы. Также я хочу поблагодарить друзей, коллег и исследователей, которые поделились своими ценными мыслями, дали советы или оказали другую поддержку: Феликса Акерманна, Надин Амслер, Йорга Баберовски, Ольгу Михайловну Бакич, Франка Бийе, Себастьяна Конрада, Виктора Иннокентьевича Дятлова, Элизабет Энгель, Викторию Фреде, Арунаба Гоша, Йорна Гаппела, Сусанну Холер, Микко Хуотари, Акихиро Ивасита, Яна Янсена, Роберта Киндлера, Томаса Лахузена, Дэвида Лазара, Хайнса-Дитриха Лёве, Лоренца Люти, Зильке Мартини, Норихиро Наганава, Юлию Обертрайс, Сергея Радченко, Анну Клару Шендерлеин, Вана Шо, Мирьям Шпрау, Ричарда Ветцела, Давида Вулфа и Росса Йелси. Исследовательскую работу для этой книги я провел в трех дюжинах архивов и библиотек в семи странах мира, сотрудники этих учреждений значительно упростили мою задачу. Я хочу сердечно поблагодарить также моих коллег и друзей в Китае и России за то, что они делились со мной информацией, своим уникальным видением явлений, знакомствами и временем, всем тем, что сделало мою полевую работу не только интересной, но и приятной. Отдельно я хотел бы поблагодарить Елену Евлампиевну Аурилене, Наталью Анатольевну Беляеву, Чэна Кайгэ, Владимира Григорьевича Дацышена, Евгения Викторовича Дроботушенко, Андрея Владимировича Доронина, Татьяну Павловну Филобок, Александра Владимировича Фролова, Хуанга Дингтияна, Любовь Алексеевну Кувардину, Александра Георгиевича Ларина, Виктора Лаврентьевича Ларина, Ли Телиня, Александра Владимировича Попенко, Шэня Чжихуа, Ивана Валерьевича Ставрова, Су Фэнлиня, Александра Петровича Тарасова, Анатолия Владимировича Таухелова, У Теина, Сюя Чжансиня, Ян Чена, Ольгу Владимировну Залесскую и Игоря Газиевича Балашова — забайкальца, перешедшего со мной

приграничное минное поле, которое было обезврежено за несколько лет до этого.

Мне посчастливилось представить свою работу на лекциях, семинарах и конференциях в Гейдельберге, Фрайбурге, Владивостоке, Харбине, Билефельде, Стокгольме, Мюнхене, Калькутте, Марбурге, Лейпциге, Тюбингене, Саппоро, Бремене, Пекине, Базеле, Вашингтоне, Берлине, Новом Орлеане, Констанце, Кембридже, Вильнюсе, Гамбурге, Франкфурте-на-Одере, Сеуле, Нью-Хейвене, Шанхае, Красноярске и Оксфорде, а также в купе поезда Транссибирской железной дороги где-то недалеко от станции Ерофей Павлович. Эти обсуждения в значительной мере поспособствовали развитию моих идей. Безусловно, я один несу ответственность за все неточности, оставленные на этих страницах.

Работа над этой книгой была поддержана Немецким фондом академических стипендий, Немецкой службой академического обмена, Германским историческим институтом в Москве, Кластером передовых исследований «Азия и Европа в глобальном контексте» при Гейдельбергском университете, а также Британским советом по экономическим и социальным исследованиям. Я очень благодарен этим институтам за щедрую помощь.

Работать с Бригиттой ван Райнберг, редактором издательства Принстонского университета, было очень приятно. Ее энтузиазм и поддержка сделали эту книгу возможной. Я также хочу поблагодарить Эрика Крэхана, Талию Лиф, Аманду Пири, Карэн Картер и Мерли Гуэрру за их труд по превращению рукописи в книгу и за помощь в ее публикации и Джозефа Дама за его превосходную редакторскую работу. Наконец, я выражаю благодарность Давиду Коксу за карты, Лайле Мак Рори за дизайн обложки, а Максусу Бруннеру и Эмили Веснер за составление индекса.

С первых дней работы над этим проектом я надеялся, что коллеги за пределами пространства «эхо-камеры» англоязычного академического мира смогут ознакомиться с моей работой. Я выражаю свою глубокую признательность всем, кто воплотил эту мечту в жизнь. Моя искренняя благодарность Миле Закировой за прекрасный перевод книги, а также редакторам серии «*Historia Rossica*»: Ирине Ждановой — за изначальный

интерес к рукописи и поддержку, Игорю Мартынюку — за помощь в подготовке перевода книги к печати. Хочу также поблагодарить Марию Каменскую, взявшую на себя труд в части редактирования и составления именного указателя, и всех сотрудников ИД «Новое литературное обозрение», причастных к появлению моей книги на русском языке.

Огромную помощь оказала моя семья. Родители Вольфганг и Соня всегда гордились мной и моей работой, несмотря на то что ее предмет находится в незнакомом для них далеком крае. Также хочу поблагодарить моих тестя и тещу, Хайляна и Куйкся, за то, что приняли меня как родного. Самую глубокую признательность я выражаю своей жене Цзинжу, которая родилась недалеко от изучаемых мной территорий. Сама того не подозревая, она сыграла центральную роль в создании этой книги. Двое наших замечательных детей, Алма и Голо, родившиеся за это время, принесли нам невиданное счастье. Без них и их матери все оказалось бы ничем.

ВВЕДЕНИЕ

Многие реки, даже маркируя границы государств, скорее объединяют, а не разделяют. Долгое время Аргунь, река, обозначающая границу между Россией и Китаем, не была исключением. Еще и в XX веке кочевники пересекали эту реку, уводя свой скот на летние и зимние пастбища в холмистую степь. Река обеспечивала и оседлое население обоих берегов, независимо от его национальной принадлежности. Так, казаки, проживающие вдоль Аргуни, охотились на китайской территории, у монголов арендовали землю для заготовки сена и вели обмен с мелкими торговцами из Китая. Китайские переселенцы из провинций южнее Великой стены промышляли охотой и добычей золота на обоих берегах реки. Многие из них хорошо говорили по-русски и носили русскую одежду — короткие черные тулупы и ушанки. Некоторые оседали в русских деревнях, принимали православие и женились на русских женщинах. Те, кто не ассимилировался подобным образом, все же взаимодействовал с населением другого берега, общаясь на смеси местных языков и диалектов.

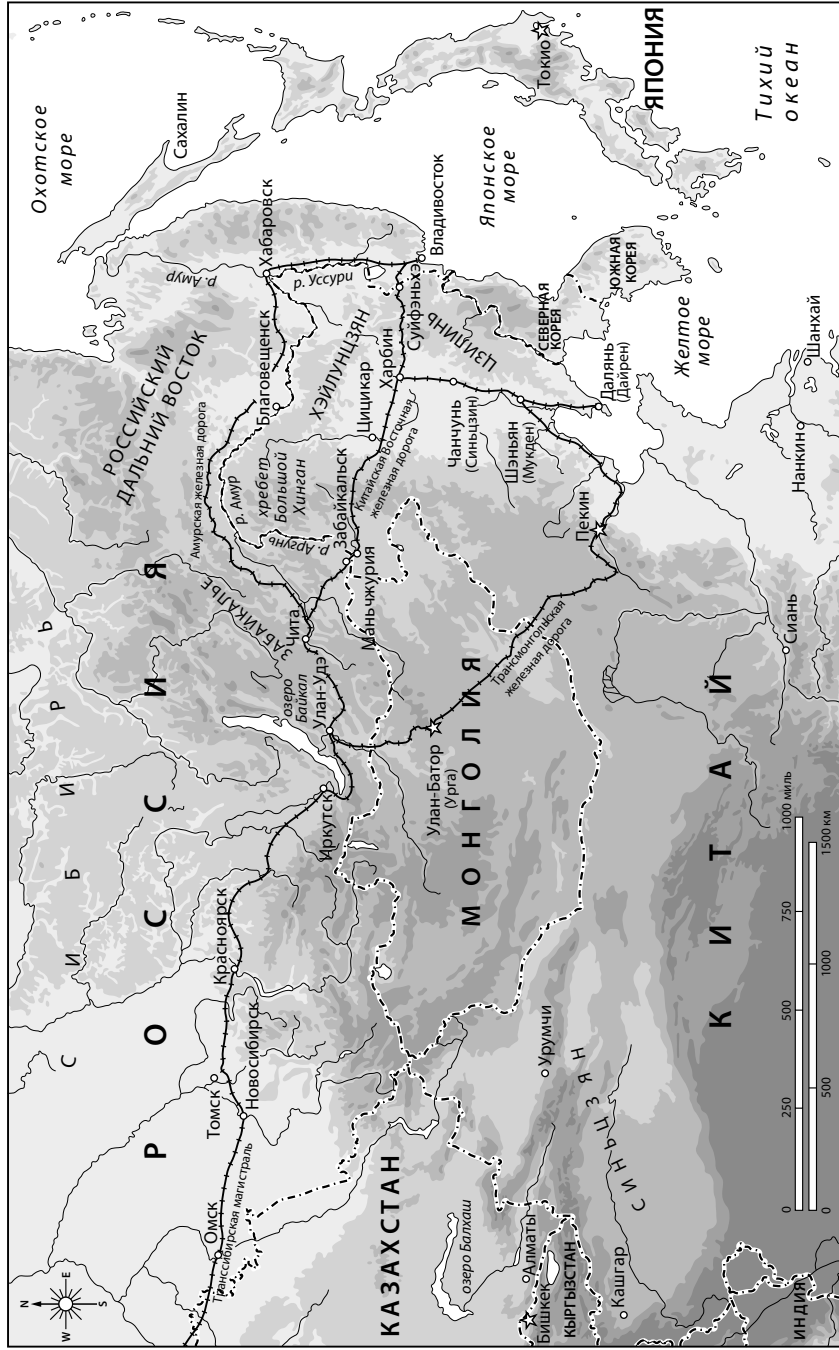
Это пересечение и смешение различных кочевых и оседлых культур, европейской и азиатской цивилизаций вдоль реки Аргуни прекратилось только в конце XIX века, когда граница приобрела геополитическое значение. Имперские интересы России, а затем и Советского Союза в последующие десятилетия столкнулись с интересами цинского (позднее республиканского) Китая и Японии. В дальнейшем эта местность стала ареной для дружбы и вражды двух крупнейших коммунистических левиафанов. Продолжительный процесс установления национальных границ центральными властями привел к дезинтеграции локальных межграницных отношений. Менее чем за век государства посредством законов, насилия, депортаций, перевоспитания

и пропаганды успешно подавили традиционные пограничные культуры, оборвав, таким образом, межграницные родственные и дружеские связи, уничтожив приграничную экономику и положив конец практике межграницного землепользования. Только после распада Советского Союза Китай и Россия вновь приоткрыли общую границу.

Такие изменения характера границы между Китаем и Россией — от проницаемой к закрытой и вновь к проницаемой — противоречат телеологическому представлению о необратимом эволюционном развитии границ от неопределенных зон к жестким демаркационным линиям. Однако в этом случае образ общей функционирующей границы не устарел окончательно. Спустя более четверти века такие артефакты, как заброшенные наблюдательные вышки и ржавые куски колючей проволоки, являются напоминанием о том, что грозная государственная военная сила однажды присутствовала на этих приграничных землях. Сегодня, несмотря на существующие межграницные отношения в области торговли, туризма и всепроникающие сотовые сети, граница не превратилась в явление прошлого. Аргунь разделяет два очень разных региона, расположенных на противоположных берегах, — один в России, другой в Китае. Большинство людей, проживающих на российской стороне, — русские, они говорят на русском языке, живут в советских или традиционных русских домах, смотрят по телевизору программу «Время» и одеваются так же, как в любой другой сельской местности России. Официальные данные относят большинство жителей китайской стороны границы к *ханьцам* — доминирующей этнической группе КНР. Жители правобережья говорят на северокитайском языке (мандаринском), смотрят вечернюю пекинскую новостную программу «Синьвэнь Ляньбо» («Новости») и носят обычную для Китая одежду. Однако помимо фенотипа, языка и культуры существует множество дополнительных границ. Статистические данные о потреблении пищи на этой приграничной территории не доступны. Но можно с уверенностью заключить, что потребление картофеля и риса, скорее всего, будет соответствовать красной линии на карте. Эти современные различия указывают на укорененные структуры, определяющие культуру и язык людей, населяющих пограничье сегодня. Современная

российско-китайская государственная граница совпадает с культурной и лингвистической. Как же произошло то, что эта красная линия так глубоко разделила население, не знавшее границ в прошлом? Как оказалось возможным то, что это разделение проникло практически во все сферы жизни обычного жителя приграничья?

В этой книге описывается изменение российско-китайской границы — преобразование открытого межимперского фронта в разграниченную в современном понимании землю, когда линия государственной границы совпадает с экономическими, политическими, социальными, культурными, этническими и психологическими различиями. Эволюция границы, разделившей две крупнейшие евразийские державы, происходила в ходе противоборства и сделок между различными группами местного приграничного общества, различными политическими силами, стремившимися утвердить свое господство над границей и прилегающими к ней территориями, политическими метрополиями и периферийным приграничным населением. Центральный тезис этой книги заключается в том, что местные жители, так же как и государства, участвовали в создании российско-китайской границы. Оно произошло под воздействием сложного набора последовательных и в то же время взаимоналагающихся и взаимосвязанных государственных политик. Эти проекты были направлены на устранение неопределенности и расширение контроля метрополий над периферией вплоть до самой государственной границы (а часто и за ее пределы). Однако разнообразное местное население сыграло важную роль как в поддержке этих государственных планов по созданию границы, так и в сопротивлении им. Данная работа, таким образом, исследует то, как центральные власти пытались установить контроль над государственной границей, во фронтирной зоне и в пограничье и как местное население стремилось воспрепятствовать этим попыткам, а также то, как сами люди иногда становились агентами государственной власти или ее жертвами. Соединяя историю сверху и историю снизу, эта книга исследует политики, осуществляемые метрополиями, а также демонстрирует гибкость стратегий и практик, реализуемых обычными людьми, столкнувшимися с переделыванием границы.

Карта 1. Внутренняя и Северо-Восточная Азия с сегодняшними международными границами (Cox Cartographic Ltd)

ИМПЕРИИ И ЛЮДИ, ФРОНТИРЫ И ПОГРАНИЧЬЯ

Вопрос о различных способах установления российско-китайской границы на местности остается неизученным. Такое пренебрежение удивляет особенно в свете геополитического значения этой территории, ее важнейшей роли в мировой истории, ее уникальной и радикальной трансформации, а также общего роста академического интереса к границам. Оказываясь в центре внимания исследователей, эта граница анализировалась в рамках общепринятых вертикальных, центристских макроперспектив дипломатической, экономической или военной истории, в которой власть исходит только от метрополии к периферии, а никакие взаимодействия вокруг самой границы не учитываются¹.

Таким образом, эта книга предлагает кардинально новую перспективу: фокусируясь на жизнях людей на обеих сторонах четко определенной местности, она прослеживает формирование и трансформирование этой обширной евразийской сухопутной границы в течение продолжительного времени. Начиная с конца XVII века, когда обе империи впервые попытались демаркировать свой общий фронт, эта работа прослеживает историю границы вплоть до распада Советского Союза

¹ В особенности работа Сары Пейн: *Paine S. C. M. Imperial Rivals: China, Russia, and Their Disputed Frontier*. Armonk; NY: M. E. Sharpe, 1996. Объем литературы по истории Внутренней и Северо-Восточной Азии и по соперничеству империй в этом макрорегионе увеличивается, однако скудное внимание уделяется региональным исследованиям приграничья, и еще меньше исследований сочетают обе перспективы. См.: *Urbansky S. Challenges of Subalternity on the Northeast Asian Frontier // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2018. Vol. 19. № 4. P. 867–876. Недавно опубликованы два труда, ставших заметным исключением из этой общей тенденции. Первый — работа Виктора Зацепина, обширное исследование Северо-Восточной Азии как места столкновения Российской и Китайской империй в эпоху позднего царизма. Однако в его работе жизнь обычных женщин и мужчин на исчезающем фронтире недостаточно изображена. См.: *Zatsepine V. Beyond the Amur: Frontier Encounters between China and Russia, 1850–1930*. Vancouver: University of British Columbia Press, 2017. Другая работа — замечательное исследование Дэвида Брофи, в котором рассматривается процесс нацистроительства внутри мусульманских сообществ в Центральной Азии в конце XIX и начале XX века, включающее транснациональную восходящую перспективу, позволяющую понять смещение лояльностей местного приграничного населения: *Brophy D. Uyghur Nation: Reform and Revolution on the Russia-China Frontier*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2016.

в 1991 году, когда она была наконец вновь открыта. Множество различных режимов перехода границы сменяли друг друга на протяжении этого длительного периода, а в особенности в течение прошлого столетия, и каждый новый поворот оказывал глубочайшее влияние на жителей приграничья. Часто фронт и пограничье живет в соответствии с собственной хронологией. Изменения там происходят раньше или позже, чем в метрополиях, в данном случае — в Китае и России. Данная приграничная территория пережила радикальные изменения: от нечетко демаркированного межимперского фронта со странствующими кочевниками, казаками, смекалистыми контрабандистами и другими высококомобильными людьми, пересекавшими его при помощи барж или на лошадях, к тщательно патрулируемой приграничной полосе, большинство местных жителей которой признали национальный территориальный суверенитет, зная соседей с другого берега только из государственной пропаганды, и это в условиях, когда они физически могли видеть земли по ту сторону границы за степными холмами.

На эту работу повлияла дискуссия о понятиях «фронт» (*frontier*) и «пограничье» (*borderland*)¹. Различия между фронтами и пограничьями все больше детализируются. Однако

¹ Классическими работами по этому вопросу являются труды Фредрика Джексона Тёрнера, см.: *Turner F.J. The Frontier in American History*. 1893. New York: Henry Holt, 1920 [пер.: Тёрнер Ф. Фронт в американской истории. М.: Весь мир, 2009] и его ученика Герберта Юджина Болтона, см.: *Bolton H.E. The Spanish Borderlands: A Chronicle of Old Florida and the Southwest*. New Haven, CT: Yale University Press, 1921. Несмотря на продолжающееся влияние на популярную культуру, смелое эссе Тёрнера подверглось основательной критике в последние десятилетия. Болтон не полностью отрицает философию Тёрнера, новые западные историки избрали ревизионистскую позицию в отношении концепта линии, разделяющей «дикость» и «цивилизацию». Исходя из своей антитёрнеровской интерпретации американского Запада, они предложили историкам новый провокативный подход к пониманию фронта, ставший сейчас общепринятым. См., например: *Limerick P.N. The Legacy of Conquest: The Unbroken Past of the American West*. New York: Norton, 1987. P. 20–23; *White R. Middle Ground: Indians, Empires, and Republics in the Great Lakes Region, 1650–1815*. Cambridge: Cambridge University Press, 1991. ix–vi. P. 50–60; *Worster D. Under Western Skies: Nature and History in the American West*. New York: Oxford University Press, 1992. P. 3–33 *passim*. Исследование Ламара и Томсона представляет собой классическую работу, раскрывающую понятия «открытие» и «закрытие» фронтиров. См.: *The Frontier in History: North America*

акцент данного исследования, стремящегося включить в анализ межкультурные перспективы и интерпретации развития периферии, смещен в сторону концепта пограничья. Пограничья здесь рассматриваются как перекрестки, на которых наиболее явным оказывается взаимодействие между местным населением и государством. Именно в пограничье, где власть соперничающих империй или национальных государств еще фрагментирована, а механизмы контроля еще слабы, местные общества способны оспаривать, разрушать и преодолевать гегемонию. Это несоответствие между намерениями политических центров и реальной жизнью периферии влияло на постепенную эволюцию современных государственных границ со всей их удивительно устойчивой неопределенностью и непредсказуемостью¹.

Фронтир (*frontier*) в этой книге определяется как отдаленная, малонаселенная и нечетко определенная территория, располагающаяся за пределами периферии двух или более ключевых политических сил. Метрополии со временем культурно, экономически и политически проникают в эти промежуточные зоны

and Southern Africa Compared / Ed. H. Lamar, L. Thompson. New Haven, CT: Yale University Press, 1981. P. 23–26, 35–39. Тезис о фронтах Тёрнера в значительной степени повлиял на ранние исследования истории Внутренней и Северо-Восточной Азии, в первую очередь на труды Оуэна Латтимора: *Lattimore O. Studies in Frontier History: Collected Papers 1928–1958*. Paris: Mouton, 1962. P. 134–159, 165–179, 469–491. Однако в его понимании фронтир больше походит на зону, а не линию.

¹ См.: *Adelman J., Aron S. From Borderlands to Borders: Empires, Nation-States, and the Peoples in between in North American History // American Historical Review*. 1999. Vol. 104. № 3. P. 815–816; *Baud M., Schendel W. van. Toward a Comparative History of Borderlands // Journal of World History*. 1997. Vol. 8. № 2. P. 211–242; *Hämäläinen P., Truett S. On Borderlands // Journal of American History*. 2011. Vol. 98. № 2. P. 338–361. Эта тенденция наблюдается в появляющихся исследованиях пограничья, в которых окраины Китая рассматриваются с акцентом на человеческий фактор (например: *Giersch C. P. Asian Borderlands: The Transformation of Qing China's Yunnan Frontier*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2006; *Shao D. Remote Homeland, Recovered Borderland: Manchus, Manchoukuo, and Manchuria, 1907–1985*. Honolulu: University of Hawai'i Press, 2011; *Song N. Making Borders in Modern East Asia: The Tumen River Demarcation, 1881–1919*. Cambridge: Cambridge University Press, 2018) и России (например: *Adelsgruber P., Cohen L., Kuzmany B. Getrennt und doch verbunden: Grenzstädte zwischen Österreich und Russland, 1772–1918*. Vienna: Böhlau, 2011; *Boeck B. J. Imperial Boundaries: Cossack Communities and Empire-Building in the Age of Peter the Great*. Cambridge: Cambridge University Press, 2009).

контакта. Этот процесс происходит под воздействием соперничающих имперских сил и местных жителей, поэтому характеризуется постоянным оспариванием и компромиссами. Фронтир становится пограничьем в результате продолжительных изменений характера централизирующей политики, когда он оказывается включен в расширяющееся ядро одного или нескольких национальных государств или империй. Таким образом, пограничье (*borderland*) обозначает территориальную единицу, возникшую из фронта на периферии государства в процессе конкуренции империй или национальных государств и создания жесткой, четко определенной линейной границы посредством навязанных государством изменений в экономической, политической, военной, этнической, социальной и культурной среде. Часто эти изменения сопровождаются насилием, вынужденным перемещением населения и подчинением сопротивляющихся. В то время как пограничье описывает более обширную местность, определенную внутренними и внешними пределами, в которой межгосударственная граница непосредственно формирует социальные и экономические сети, действует определенный свод законов, а доступ обычных людей на эту территорию ограничен государственной политикой, термин «приграничье» относится к участку, непосредственно проходящему вдоль государственной границы. «Граница» — это линия на карте, демаркационный камень, забор или караульный пост, который определяет территориальные пределы государственного суверенитета¹. Однако необходимо подчеркнуть, что любое догматичное следование определениям сильно упрощает историю границы. Приверженность жесткой терминологии не позволяет объяснить сложную природу пограничья, в котором продолжают существовать некоторые укорененные на местности и гибкие характеристики фронта.

Россия и Китай, в отличие от островной Британии, империя которой располагалась за морем, были континентальными империями². Совместно к концу XVIII века они разделили

¹ *Prescott J. R. V. Political Frontiers and Boundaries. London: Allen & Unwin, 1987. P. 1–14 passim, особенно p. 12–14.*

² Это различие было впервые замечено историком Джеффри Хоскингом, см.: *Hosking G. The Freudian Frontier // Times Literary Supplement. 1995. 10 March. P. 27.*

Внутреннюю Азию: Маньчжурию, Монголию и Синьцзян на отдельные сферы интересов. Несмотря на различия в социальной и экономической структуре, обе силы осуществляли сходную имперскую политику на общем фронтире — как континентальные империи они покоряли свои окраины¹. Чтобы включить эти территории, названные Оуэном Латтимором оборонительными «фронтирами, обращенными вовнутрь», во все более мультикультурные системы управления, обе имперские силы полагались на сотрудничество местных элит, в первую очередь посредством сохранения за ними некоторых привилегий².

В XIX веке мир стал свидетелем становления современных национальных государств³. Прочерчивание конкретных государственных границ для определения и защиты национальной

¹ Основные характеристики Китайской и Российской империй, а также территориальная экспансия, проводимая ими, исследуются в работе Джейн Бурбанк и Фредерика Купера. См.: *Burbank J., Cooper F. Empires in World History: Power and the Politics of Difference*. Princeton: Princeton University Press, 2010. P. 185–218. И Альфреда Рибера, см.: *Rieber A. J. The Struggle for the Eurasian Borderlands: From the Rise of Early Modern Empires to the End of the First World War*. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. P. 31–41, 49–58, 415–423. Другие значимые исторические исследования империй: *Kappeler A. Rußland als Vielvölkerreich: Entstehung — Geschichte — Zerfall*. Munich: C. H. Beck, 1992; *Hosking G. A. Russia and the Russians: A History*. Cambridge, MA: Belknap, 2001; *Lieven D. Empire: The Russian Empire and Its Rivals from the Sixteenth century to the Present*. London: John Murray, 2000; *Sunderland W. Taming the Wild Field: Colonization and Empire on the Russian Steppe*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2004. Комплексный анализ Китайской империи осуществлен в следующих работах: *Crossley P. K. The Manchus*. Cambridge, MA: Blackwell, 1997; *Elliott M. C. The Manchu Way: The Eight Banners and Ethnic Identity in Late Imperial China*. Stanford: Stanford University Press, 2001; *Perdue P. C. China Marches West: The Qing Conquest of Central Eurasia*. Cambridge, MA: Belknap, 2005.

² *Lattimore O. Manchuria: Cradle of Conflict*. New York: Macmillan, 1932, особенно p. 77–78, 99.

³ См. также классические работы: *Anderson B. Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. London: Verso, 1983 [пер.: *Андерсон Б. Воображаемые сообщества: Размышления об истоках и распространении национализма*. М.: Канон-Пресс-Ц, 2001]; *The Invention of Tradition / Ed. E. Hobsbawm, T. Ranger*. Cambridge: Cambridge University Press, 1983, в частности введение Хобсбаума: p. 1–14; *Sahlins P. Boundaries: The Making of France and Spain in the Pyrenees*. Berkeley: University of California Press, 1989. Об усилении пограничного контроля и внедрении документации для идентификации личности см.: *McKeown A. M. Melancholy Order: Asian Migration and the Globalization of Borders*. New York: Columbia University Press, 2008.

территории как «пространства решений» было важнейшим компонентом этого процесса. Возможно, в наиболее крайней форме территориальная ортодоксальность воплотилась в фашистских и коммунистических режимах XX века. Четкая территориальная принадлежность и уникальные социальные образования начали терять силу только с концом дуполярного мира, становлением глобального капитализма, ростом значения наднациональных структур и возрождением регионализма¹.

Глобальная тенденция нацистроительства не обошла стороной империи Цин (1644–1912) и Романовых (1613–1917). Несмотря на то что многие их окраины были в основном населены коренными народами: скотоводами, охотниками и рыболовами, на территориальные границы этих империй тем не менее влияла идея гомогенной власти, нетерпимой к конкурирующим силам, альтернативным значениям и неконтролируемым перемещениям². Желание устранить неопределенность периферии пережило эти режимы и усилилось, когда их преемники (СССР, Маньчжоу-го и КНР) ввели еще более радикальные формы территориализации, которые существенно изменили социальную динамику в пограничьях. Действия коммунистических властей Москвы и Пекина по реализации режимов закрытой границы не были уникальными, однако отличались большей решительностью. В результате этого всего лишь за несколько десятилетий сложная смесь геостратегических устремлений, конкурирующих идеологий и радикальных планов по изменению жизни каждого человека, проживавшего в оспариваемом регионе, привели к резкой трансформации преמודерного межимперского евразийского фронта в пограничье между двумя

¹ *Maier Ch. S. Once within Borders: Territories of Power, Wealth, and Belonging since 1500. Cambridge, MA: Belknap, 2016. P. 1–6; см. также: Sassen S. Territory, Authority, Rights: From Medieval to Global Assemblages. Princeton: Princeton University Press, 2006.*

² Недавние исследования показывают, что дихотомия «нация — империя» слабо применима к мультиэтническому характеру Российской и Китайской империй. Такие империи не обязательно обладали меньшими возможностями разрешения сложностей, вызванных региональным разнообразием, чем этнически и культурно более гомогенные национальные государства. См.: *Burbank J., Cooper F. Empires in World History. P. 251–459 passim; Rieber A. J. The Struggle for the Eurasian Borderlands.*

централизованными режимами, владеющими четко определенными пространствами¹.

Границы, обеспечивая целостность, безопасность, контроль населения и внутренней экономики, сыграли в ходе этого процесса важнейшую государствообразующую роль. Они способствовали формированию различных национальных идентичностей одних и тех же этнолингвистических групп и, как высоко политизированные символы, стали площадками социальных изменений. Историк Питер Салинс, например, продемонстрировал, как локализм сформировал национальные идентичности на франко-испанской границе на Пиренеях, однако во Внутренней Азии процессы локальной кооптации и компромисса наблюдались в значительно меньшей степени². Когда пограничье как отдельная административная единица оказалось включенным в периферию постреволюционного государства — наследника прежней мультикультурной империи, оно постепенно перестало быть гибридным местом сосуществования империй и негосударственного мира местного населения.

Такая реорганизация социального, экономического, политического и культурного пространства через трансляцию централизованной государственной власти на приграничную территорию не прекратила конфликты по поводу политической или культурной принадлежности среди местного населения. В условиях межгосударственного соперничества противоборства продолжились как в метрополиях, так и среди жителей пограничья, сопротивлявшихся ассимиляции и перевоспитанию и стремящихся сохранить независимость или хотя бы автономность и мобильный образ жизни³.

¹ *Rieber A. J. Stalin and the Struggle for Supremacy in Eurasia. Cambridge: Cambridge University Press, 2015. P. 129–139.* О межвоенном периоде: *Martin T. The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2001. P. 311–343 passim* [пер.: *Мартин Т. Империя «положительной деятельности».* Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М.: РОССПЭН, 2011].

² См.: *Sahlins P. Boundaries. P. 7–9.*

³ Мобильность в этом контексте часто ошибочно рассматривается как склонность местных жителей оспаривать границы, как будто границы возникли сначала, а затем мобильность. Но, как мы знаем, дело было в точности наоборот: *Ludden D. Presidential Address: Maps in the Minds and the Mobility of Asia // Journal of Asian Studies. 2003. Vol. 62. № 4. P. 1061–1065.*

Отношения между ядром и периферией, таким образом, оставались динамичными и изменчивыми, отличаясь колебаниями в обоих направлениях, что поднимает вопросы о роли населения глубокой периферии государства. Как долго социальные акторы, находившиеся вне принимающих решения элит, влияли на управление границей? Каким образом они поддерживали или сопротивлялись политике формирования границы, осуществляемой государством? Описав долгую историю китайско-российской границы через региональную перспективу, эта книга проливает свет на сложные отношения людей и государств. Она показывает, что роль, которую играло местное население в истории территориализации государства, гораздо более значима, чем принято было считать ранее.

Во-первых, такая масштабная историческая работа позволяет раскрыть зональные и линейные определения границ. Концепция границ для разных поколений государственных агентов метрополий и различных групп жителей пограничья менялась с течением времени. Традиционное фронтирное общество не было разделено государственными границами, оно поддерживало родственные, экономические, языковые и религиозные связи, которые обладали самобытностью и простирались за их пределы. Во многих случаях внутренние границы между знаменами или родами соблюдались более четко, чем проницаемая международная граница. Но более поздние поколения приграничных жителей, которые уже не могли пересекать закрытую международную границу, потерявшие интерес к соседям и не обладавшие языковыми навыками для общения с ними, часто косвенным образом поддерживали претензии на национально-территориальный суверенитет, что значительно отличает их от более ранних поколений.

Во-вторых, это исследование показывает, что формальное управление, осуществляемое централизующей властью, не обязательно приводит к территориальному контролю над пограничьем и его населением. Из-за проницаемости обширной континентальной границы, нехватки ресурсов, противоречивости намерений соседних режимов и отсутствия современной инфраструктуры, способной связать периферийные территории с имперскими столицами, централизующие власти, даже когда неприятие любых локальных межграницных обменов возросло,

часто были неспособны уследить за общими внешними границами. Эта неспособность коренилась в традиционных практиках и изменчивых формах взаимодействия между различными группами пограничья. Даже те, кто изначально был отправлен государством в эту местность для осуществления охранительных функций, не всегда следовали государственным протоколам.

В-третьих, эта работа раскрывает обстоятельства, при которых старые фронтиры сосуществуют с современными государственными границами. Построив железную дорогу, метрополии определили способ пересечения границы через узкий коридор, что побудило новые процессы создания границы. Современные средства государственного контроля, однако, не были введены одновременно на всей государственной границе. А там, где они были введены, они не обслуживали государство всецело. Более того, достаточно часто они использовались для противодействия намерениям центральной власти, так как создали новые зоны контакта между местным и глобальным мирами и сформировали самобытную социальную ткань. Одновременно с этим осуществлялось строительство новой формы границы.

В-четвертых, такой подход демонстрирует условия, способствующие усилению контроля над границей. Особенно во время военной конфронтации и внутренних конфликтов метрополии выделяли значительные ресурсы для более эффективного контроля государственной границы, вводили новые режимы ее содержания, изолируя пограничье от внутреннего и внешнего окружения, и постепенно заменяли ненадежных людей лояльными гражданами. Взаимодействие между центральной властью и ее посредниками, с одной стороны, и частично замененным населением пограничья, с другой, не только увеличило легитимность последовательно ограничиваемого пространства, но и послужило сплочению подданных и правителей.

В завершение отметим, что исследовать то, как открытые границы закрываются, а закрытые границы открываются, очень поучительно. Границы дружбы между государствами-союзниками официально изображались открытыми для всех, однако для большинства местных жителей они оставались непроходимыми. Охраняемая граница конфликта, наоборот, оставалась преодолимой для избранных. Такое несоответствие риторики